

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.05.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-566-570

Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.

ДАНИЛЕВСКАЯ-УРБАНОВА Инна Леонидовна,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник сектора
конституционного права и конституционной юстиции
Института государства и права РАН,
Институт государства и права Российской академии наук,
e-mail: danilewskaia.inna@yandex.ru

ВЕРХОВНЫЙ СУД СОЮЗА ССР В СИСТЕМЕ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ КОНСТИТУЦИИ СССР: БАЛАНС СУВЕРЕНИТЕТА ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИК

Аннотация. Проблематика осуществления правовой охраны конституции, как основного закона государства, продолжает оставаться значимой и актуальной на современном этапе. Конституционное обновление 2020 г. было направлено, в том числе на поиск оптимальной модели конституционного контроля – одного из знаковых атрибутов конституционализма. В этой связи особый интерес представляет исследование и переосмысление советского опыта реализации надзорных функций и конституционного контроля Верховным судом СССР в начале 20-х годов с учетом существовавших подходов к правовой охране конституции, специфике правоприменения в федеративном государстве, необходимости эффективного разграничения союзного и республиканского суверенитетов.

Ключевые слова: советский конституционализм, советская федерация, Верховный суд СССР, конституционный контроль, конституционный надзор, правовая охрана конституции, республиканский суверенитет, законность.

DANILEVSKAIA-URBANOVA Inna Leonidovna,
senior research assistant of constitutional law
and constitutional justice sector of the Institute
of State and law of the Russian Academy of Sciences,
candidate of legal sciences. The Institute of State and law
of the Russian Academy of Sciences

THE SUPREME COURT OF THE USSR IN THE SYSTEM OF LEGAL PROTECTION OF THE CONSTITUTION OF THE USSR: THE BALANCE OF SOVEREIGNTY OF THE FEDERATION AND THE REPUBLICS

Annotation. The issue of legal protection of the constitution, as the fundamental law of the state, remains significant and relevant today. The 2020 constitutional update was aimed, among other things, at finding an optimal model for constitutional review—one of the hallmarks of constitutionalism. In this regard, a study and rethinking of the Soviet experience of implementing oversight functions and constitutional review by the Supreme Court of the USSR in the early 1920s is of particular interest, taking into account existing approaches to legal protection of the constitution, the specifics of law enforcement in a federal state, and the need to effectively delineate union and republican sovereignty.

Key words: soviet constitutionalism, Soviet Federation, Supreme Court of the USSR, constitutional control, constitutional supervision, legal protection of the constitution, republican sovereignty, legality.

Институт правовой охраны конституции, конституционного контроля в России прошел непростой путь трансформации, эволюционируя от идеологизированных и политизированных конструкций в советскую эпоху к совре-

менным правовым механизмам. Понимание этой эволюции необходимо для исторической точности и для извлечения практических уроков, которые могут быть применимы в актуальной юридической практике. Конституционный контроль в

современных условиях испытывает серьезную трансформацию, обусловленную как внутренними изменениями, так и глобальными геополитическими сдвигами. На первый план выходят вопросы сохранения и укрепления суверенитета, адаптации институтов контроля к фундаментальным цифровым вызовам, задачи безопасности государства и его конкурентоспособного и технологического экономического развития.

Период 20-х до начала 30-х годов XX в. занимает особое место в отечественной истории становления института правовой охраны Основного закона: Верховный суд СССР, наделенный рядом полномочий в сфере правовой охраны конституции, конституционного контроля и надзора, участвовал в формировании единого правового пространства, общесоюзных императивов, пробуя стать механизмом интеграции в молодой советской федерации с разнообразными и ещё не устоявшимися региональными правовыми традициями.

Ключевых различий в понятиях «конституционный контроль» и «конституционный надзор» советские практика и доктрина тогда не содержала, вместе с тем, в научной литературе конституционный контроль, как функция Верховного суда по общему надзору за законностью и конституционные полномочия Верховного суда обосновывались, как «своеобразные» судебные функции [1, 185-187]. В этот же период теоретический интерес к институту правовой охраны конституции проявился в опубликовании значительного числа содержательных, сравнительных научных работ, в центре внимания которых были вопросы конституционного правосудия, законодательной регламентации конституционного надзора, в том числе, в зарубежных странах, роли в этой деятельности высших государственных и судебных органов, классификации нарушений конституционности. Анализировалась не только идея судебного рассмотрения конституционных вопросов в капиталистических странах, но и опыт её практической реализации, в частности, в деятельности Верховного федерального Суда США. Советскими исследователями признавалось, что пролетариат при создании советской системы использовал многое из того, что добыто буржуазной культурой, однако в самой идее судебного конституционного контроля усматривалась теория разделения властей, неприемлемая для классового, советского суда, который не мог быть независимым от политической власти, поскольку является одной из её функций; подход к такому контролю, как «сверх» судебному, тоже был неприемлем, учитывая, что в союзном масштабе гарантией сохранения конституционной законности мог являться не высший, независимый от власти конституционный суд, а только высший поли-

тический орган государственной власти Союза, представляющий волю господствующего класса [2, 501; 3, 4].

Функции верховного судебного контроля были закреплены за Верховным судом СССР, учрежденном при ЦИК СССР в знаменитом для советского государства и права 1922-ом году на основании Договора об образовании Союза ССР суверенными государствами – РСФСР, Украинской ССР, Белорусской ССР и Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республикой (ЗСФСР). В этом же году В.И. Лениным в его письме «О «двойном» подчинении и законности» была обоснована идея привлечения судебных органов к осуществлению общего надзора за законностью, где речь шла прежде всего о единообразном понимании и применении законности во всей республике и во всей федерации [5]. В 1922 г. проходит судебная реформа, сопровождавшаяся сменой официальных идеологических установок, с созданием многозвенной судебной системы, нацеленной на охрану сложившегося «советского правопорядка», происходит переход от прежнего отрицания права как атрибута буржуазной и «эксплуататорской» государственности к новому пониманию права как системы норм, санкционированного государством и обеспеченного силой государственного принуждения [6]. Вместе с тем, одновременно сохраняется понимание закона как орудия и подход в пролетарском правосознании к нормам конституции, как к созданным не навсегда и в своей политической сущности основанным на принципе революционной целесообразности, сохраняя «подвижность, приспособление конституции к жизненным требованиям, делая её могущественным орудием пролетариата в деле строительства пролетарского государства» [4, 6]. Как верно отмечает академик РАН А.Н. Савенковым, право — это вещь, основанная на традиции, это не инструкция для переписывания каждый день, поскольку в его основе ценностные основания, на которых строится гражданская и культурная идентичность. И эти ценности для общества важно сохранить [7, 322].

Поворотным моментом в преобразовании правовой природы союзных республик и юридической основой для реализации полномочий Верховного суда СССР в сфере правовой охраны конституции стала первая Конституция Союза ССР 1924 г., в которую вошел составной частью Договор об образовании СССР. Формулировка о функциях Верховного суда СССР в области общего и конституционного надзора за законностью была внесена в конституционный проект в июне 1923 г. по инициативе комиссии ЦК РКП (б), руководившей работой по подготовке проекта Конституции [8, 187].

Ещё при разработке конституционного проекта, в процессе правового оформления государственного устройства страны, особое внимание уделялось решению принципиальных вопросов объединения республик, проблеме суверенитета в части соотношения прав союзного государства и его членов, компетенции федерации и ее субъектов. На XI Всероссийском съезде Советов при обсуждении положений проекта Конституции Союза ССР 1924 г. Д.И. Курский отмечал закрепление в проекте основных, существенных суверенных прав союзных республик, самым характерным из которых являлось право свободного выхода из Союза. При этом главнейшей конституционной функцией Верховного суда определили подготовку заключений о законности или незаконности с точки зрения Конституции тех или иных действий или постановлений союзных республик [9, 147, 150]. Стояла задача разработать конкретные формы сочетания сильной центральной власти с суверенными правами национальных республик – членов федерации, но борьба шла не только против национал-уклонистских элементов, стремящихся максимально ограничить полномочия и компетенцию общесоюзных органов, лишить их реальной власти с таким расчетом, чтобы вместо единого союзного государства получилась фактически конфедерация республик, следовало найти оптимальную структуру ЦИК СССР, представляющую все союзные, автономные республики и другие национально-государственные образования на основе равноправия [8, 168-169]. Такая структура была найдена и в 1923 г. по инициативе Пленума ЦК РКП (б) XII съезд одобрил создание второй равноправной палаты – Совета Национальностей в составе ЦИК.

Сочетание интересов Союзного государства и каждого члена государства с обеспечением непрерывности осуществления государственной власти на общесоюзном уровне, единство законодательства и управления были закреплены в 1924 г. Конституцией СССР в виде «границ» союзного и республиканского суверенитетов, компетенций в сфере законодательной, исполнительной и судебной власти СССР и его субъектов, в связи с чем и задачи конституционного надзора приобретали особый, принципиальный характер, учитывая сложившееся де-факто и де-юре федеративное устройство советского государства. На первом месте стоял вопрос об установлении единой общесоюзной законности и, следовательно о структуре, полномочиях и компетенции высших органов государственной власти – ЦИК СССР и его Президиума, на которые возлагалось не только издание общесоюзных законодательных актов, но и осуществление конституционного контроля и надзора за исполне-

нием Конституции СССР и общесоюзного законодательства. Право конституционного контроля ЦИК СССР и его Президиума в научной литературе трактовали как неограниченное, учитывая, что оно состояло не только в наблюдении за исполнением Конституции, но и в праве отмены всех актов, противоречащих союзной Конституции [8, 185].

В эту систему «двух уровней» суверенитетов советской федерации был встроены и Верховный суд Союза ССР, реализующий, в том числе, функции конституционного надзора и правовой охраны конституции. Диапазон задач Верховного суда в сфере правовой охраны Основного закона был регламентирован в главе 7 Конституции СССР 1924 г., среди которых была дача заключений о законности с точки зрения Конституции Союза ССР тех или иных постановлений Центральных Исполнительных Комитетов и Советов Народных Комиссаров союзных республик, а также Совнаркома Союза по требованию Президиума ЦИК Союза.

Принцип разделения властей в его классическом смысле, как известно, толковали в СССР как определенную систему разделения труда между органами пролетарской диктатуры [10, 469]. Суверенитет реализовывал верховный орган власти СССР – Съезд Советов, а в период между съездами – Центральный Исполнительный Комитет – ЦИК Союза ССР. Обширный союзный суверенитет иллюстрировали конституционные полномочия Президиума ЦИК СССР, в частности, его право приостанавливать и отменять постановления Совета Народных Комиссаров и отдельных народных комиссариатов СССР, а также центральных исполнительных комитетов и советов народных комиссаров союзных республик, приостанавливать постановления съездов советов союзных республик с последующим внесением этих постановлений на рассмотрение и утверждение ЦИК СССР. Кроме того, на Президиум ЦИК СССР возлагалось разрешение вопросов о взаимоотношениях между Советом Народных Комиссаров Союза ССР и республиканскими народными комиссариатами, а также между центральными исполнительными комитетами союзных республик и их президиумами.

Конкретизировались конституционные полномочия Верховного суда в Положении о Верховном суде СССР и Наказе 1924 г., устанавливая право Верховного суда по собственной инициативе делать представления о приостановлении и отмене по мотивам несогласованности с Конституцией СССР постановлений и распоряжений центральных и союзных наркоматов. Закрепление данного права позволяло ему охранять суверенные права союзных республик от излишнего, противоречащего союзной Конституции вмеша-

тельства органов Союза, что соответствовало мысли В.И. Ленина о необходимости действенных мер для защиты прав национальностей в Союзе ССР [8, 186-187]. Можно отметить, что у каждой союзной республики Конституцией признавалось наличие суверенитета, но суверенитета, ограниченного в пределах, установленных Конституцией, которая перечисляла предметы компетенции Союза ССР, а вне этих пределов, согласно Конституции, каждая союзная республика самостоятельно осуществляла государственную власть.

В течение первого десятилетия существования Верховного суда СССР спорным являлся вопрос о приоритете его функций. Ряд государственных деятелей того времени (А.С. Енукидзе, Д.И. Курский и др.) признавали ведущей функцией судебный конституционный надзор. Фактически почти половина всех вопросов, которые рассматривались в 1925 - 1929 гг. на Пленуме Верховного суда СССР, относилась, по терминологии того периода, к конституционному (общему) надзору, а остальные являлись судебно-надзорными либо организационными [11, 8].

С точки зрения конституционных взаимоотношений между Союзом СССР и союзными республиками можно обратить внимание на структуру Пленума Верховного суда, в состав которого по должности входили председатели верховных судов союзных республик, что обеспечивало защиту интересов суверенитета и суверенных прав союзных республик, республиканскую самостоятельность, поскольку они возражали против самой постановки на пленуме вопросов не только о прямом опротестовывании постановлений пленумов верховных судов союзных республик, но даже и о даче им каких бы то ни было разъяснений. На тех же основаниях определялся состав народных заседателей, двенадцать из двадцати пяти которых утверждались из числа кандидатов, представляемых президиумами ЦИКов союзных республик [1, 188; 11, 8].

Высказывались предложения расширить конституционные права Верховного суда Союза, сделать его конституционным судом первой инстанции, чтобы только в случае обжалования спорный конституционный вопрос подлежал бы рассмотрению Президиумом ЦИК Союза. Этим предполагалось сохранить неоспоримым авторитет Президиума ЦИК, учитывая, что Конституция 1924 г. наделила ЦИК СССР и его Президиум рядом полномочий в сфере конституционного контроля, например, правом приостанавливать постановления Съездов Советов союзных республик. Но данное предложение критиковалось, как возможное ущемление суверенных прав союзных республик, учитывая, что республики

непосредственно обращались в Президиум ЦИК по вопросам неконституционности, а в случае создания конституционного суда первой инстанции в Верховном суде, республики получали ещё один стоящий над ними верховный орган [2, 502].

Окончательных решений в сфере правовой охраны Основного закона, Верховный суд СССР не принимал. Отмечались сложности в понимании законности и несогласованности в нарушениях актов союзных республик с точки зрения Конституции и самих взаимоотношений Союза и союзных республик, реализации Верховным судом задач по преимуществу конституционного воспитания, а не привлечения виновных в конституционных нарушениях к дисциплинарной ответственности [12].

Являясь консультативным органом при Президиуме ЦИК СССР, Верховный суд занимался, по сути, укреплением правопорядка, обеспечением единства правового пространства и предотвращения хаоса в законодательстве, сохранением союзного суверенитета и легитимацией власти, защитой интересов общегосударственного значения с учетом специфики республик. Советская власть, как отмечал Н.А.Бердяев, была не только властью коммунистической партии, претендующей осуществить социальную правду, она имела объективную природу всякого государства и была заинтересована в защите государства [13, 120].

Представляется, что ранее сформулированные исследователями выводы о недолговечности и непродуктивности институционального урегулирования вопросов судебной правовой охраны Конституции Верховным судом СССР [14, 15] обусловлены, в том числе тем, что в период формирования советского конституционализма не до конца были определены ключевые принципы федерализма и строительства советской федерации, не урегулированы противоречия в признании права наций на создание своих государств с конституционно-закрепленным признанием ограниченного суверенитета союзных республик при сохранении единой политической и экономической системы и стремлением к усилению централизации власти.

В новых условиях целесообразно вернуться к имеющемуся историческому опыту практики Верховного Суда как гаранта конституционного порядка, учитывая необходимость наличия серьезного системного подхода к конституционно-правовому регулированию федеративных отношений, придания созидательного импульса развитию отечественной государственности и государственно-территориального устройства в контексте решения первостепенной задачи укрепления суверенитета нашего государства.

Список литературы:

- [1] Советский федерализм. Сборник. Под общей редакцией М.О. Рейхеля. М.-Л.: Государственное издательство. – 1930. – 274 с.
- [2] Загорье Б. Нужна ли нам судебная охрана конституции? //Вестник советской юстиции. № 17 (123). 501-502 с.
- [3] Дябло В.К. Судебная охрана конституций. М.: НКЮ РСФСР. 1928. – 118 с.
- [4] Лебединский В.Г. Конституционный надзор в Союзе ССР и методы его осуществления. // Советское строительство. № 9 (26). 1928. 5-21 с.
- [5] Ленин В.И. О «двойном» подчинении и законности. ПСС. Издание пятое. Т.45. М.: Издательство политической литературы. – 1970. С.197-201.
- [6] Бондаренко А.В. Судебная система РСФСР в период НЭПа. Автореф. дисс. к.ю.н. М., 2010. 20 с.
- [7] Савенков А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. Монография. М.: Проспект. – 2020. – 448 с.
- [8] Курицын В.М. Становление социалистической законности. М.: Издательство «Наука». – 1983.- 192 с.
- [9] Курский Д.И. Избранные статьи и речи. М.: Юридическое издательство. – 1948. – 199 с.
- [10] Энциклопедия государства и права. Под ред. П.Стучка. М.: Издательство Коммунистической академии., 1930. – 1184 с.
- [11] Митюков М.А. О некоторых теоретических аспектах судебного конституционного надзора в СССР (1924-1933 гг.). //Вестник Томского государственного университета. 2006. № 292. 7 – 16 с.
- [12] Винокуров А.Н. О конституционном надзоре. //Вестник Верховного Суда СССР. 1925. № 1. 3-6 с.
- [13] Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955 г. М.: Наука, 1990. – 224 с.
- [14] Митюков М.А. Судебный конституционный надзор 1924-1933 гг.: вопросы истории, теории и практики. М.: Формула права, 2005. – 208 с
- [15] Митюков М.А. Верховный Суд СССР как орган конституционного надзора (1924-1933 гг.): источники и историография вопроса с позиции конституционалиста. //Советский конституционализм (1918-1925 гг.): доктрины, институты и репрезентации. Сборник материалов круглого стола. Под ред. К.С. Коровина. Екатеринбург: Издательство ФГБУ ВО «Уральский государственный юридический университет». – 2019. С.4-9

References:

- [1] Soviet federalism. Compilation. Under the general editorship of M.O. Reichel. M.-L.: State Publishing House. – 1930. – 274 p.
- [2] Zagorye B. Do we need judicial protection of the constitution ?//Bulletin of Soviet Justice. № 17 (123). 501-502 p.
- [3] Diablo V.K. Judicial protection of constitutions. M.: NKYU RSFSR. 1928. – 118 s.
- [4] Lebedinsky V.G. Constitutional supervision in the USSR and methods of its implementation. // Soviet construction. № 9 (26). 1928. 5-21 p.
- [5] Lenin V.I. On “double” subordination and legality. PSS. Edition five. T.45. M.: Publishing house of political literature. – 1970. P.197-201.
- [6] A.V. Bondarenko. The judicial system of the RSFSR during the NEP. Autoref. diss. Ph.D. M., 2010. 20 s.
- [7] Savenkov A.N. State and law during the crisis of modern civilization. Monograph. M.: Prospect. – 2020. – 448 s.
- [8] Kuritsyn V.M. The formation of socialist legality. M.: Publishing house “Science.” - 1983.- 192 p.
- [9] Kursky DI. Selected articles and speeches. M.: Legal Publishing House. – 1948. – 199 s.
- [10] Encyclopedia of State and Law. Ed. P. Stuchka. M.: Publishing House of the Communist Academy., 1930. – 1184 s.
- [11] Mityukov M.A. On some theoretical aspects of judicial constitutional supervision in the USSR (1924-1933) .//Bulletin of Tomsk State University. 2006. № 292. 7-16 s.
- [12] Vinokurov A.N. On constitutional supervision. //Bulletin of the Supreme Court of the USSR. 1925. № 1. 3-6 s.
- [13] Berdyaev N.A. The origins and meaning of Russian communism. Reprint reproduction of the YMCA-PRESS edition, 1955 M.: Nauka, 1990. – 224 s.
- [14] Mityukov M.A. Judicial constitutional supervision 1924-1933: issues of history, theory and practice. M.: Formula of Law, 2005. – 208 s
- [15] Mityukov M.A. Supreme Court of the USSR as a body of constitutional supervision (1924-1933): sources and historiography of the issue from the position of a constitutionalist. //Soviet constitutionalism (1918-1925): doctrines, institutions and representations. Round Table Proceedings. Ed. K.S. Korovin. Yekaterinburg: Publishing House of the Federal State Budgetary Institution of Higher Education “Ural State Law University.” – 2019. S.4-9

